
ВЕНОК
ГАГАРИНУ





ВЕНОК ГАГАРИНУ



Сборник
стихотворений

МОСКВА
«Советская Россия»
1984

Р2
В29

Составитель
А. А. Щербаков

Художник
Г. И. Метченко

В $\frac{4702010200-201}{М-105(03)84}$ 175—84

*К 50-летию
со дня рождения
Юрия Алексеевича
Гагарина*

Николай Асеев



СТОИЛО ЖИТЬ!

Мы дожили до этого!
Стоило, стоило жить!
Ждать, надеяться, думать, трудиться, стараться,
Чтобы первый из нас
Мог отважный свой путь
проложить
Сквозь космическое пространство.

В эту область беззвездья, беззвучья,
таинственной тьмы
Он вознесся впервые
Полетом неслыханной славы.
Одинокий, единственный. Нет, не один:
С ним и мы,
Мы — родные народы
Великой Советской державы.

В неразведанный мир, на невероятную высь
Поднялся он, и мир ему будет века благодарен.
Поднялся он, и мы с ним душой
Заодно поднялись,
Заодно!
Душа в душу с тобою, товарищ Гагарин!

1961

Фазу Алиева



У ЮНОСТИ — СТОЛЕТЬЯ ВПЕРЕДИ

...Я — риск и точность в первом, изначальном
Космическом гагаринском витке...
Его виток колечком обручальным
У вечности остался на руке.

Я — молодость. Меня не старят сроки.
Хозяйскими шагами я иду
По этажам великой Новостройки,
Начавшейся в семнадцатом году.
Я — молодость.
Я — сердце комсомола.
Подвластны мне и глубина и высь.
Два корневых начала — Серп и Молот —
От молодости мира родились.

Шагай же, юность!
Символом рассвета
Над веснами вставай и восходи!
Есть у весны в запасе только лето.
У юности — столетья впереди.

Павел Антокольский



АПРЕЛЬ 1961 ГОДА

Наконец-то! Первое свиданье
Не в утопии, не в царстве грез.
Сильный человек и мирозданье
Встретились надолго и всерьез.

И глядят, глядят они друг другу
В зоркие веселые глаза —
Там, где только звезды шли по кругу;
Там, где не гуляла и гроза;

Там, где только мгла и холод волчий,
Только черный бархат пустоты,—
Человек и мирозданье молча
Перешли, как равные, на «ты».

Сколько неизвестных и опасных
Перевалов сделано впотьмах!
Сколько честных проб и формул ясных
Прочно отчеканились в умах!

Как мужали замыслы, как зрели...
Вот оно! Свершилось. Удалось.
И для нас двенадцатым апреля
Раннее то утро назвалось.

Наш народ за то вам благодарен
И за то полюбит вас навек,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Необыкновенный человек,

Что вы шли в пространство мировое,
Как идут в атаку, в полный рост.
И, когда, завидуя и воя,
Скорость звука поджимала хвост;

И когда земное тяготенье
Шло на убыль и сошло на нет
И земля, подернутая тенью,
Стала только ближней из планет;

И когда над Африкою утро
Резко вам ударило в глаза,
И звучал в кабине вашей утлой
Резкий пеленг: «Взять на тормоза»,

Вы не знали страха и унынья,
По-солдатски подвиг отслужив.
Будет ваше мужество отныне
Эталоном жизни тем, кто жив.

1961



Александр Балин



ТАКОВ БЫЛ ПУТЬ...

Спираль Бруно. Ей было все равно,
Чью грудь рвануть колючек злым оскалом,
Чтоб стало вдруг дымящимся и алым
Потертое шинельное сукно.

Чтоб пот смертельный оросил виски
Парней,
бредущих сквозь огонь и вьюгу...
Она жила, железная гадюка,
Искромсанная нами на куски.

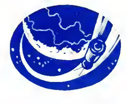
Она жила...
Был труд наш бестолков:
Витками рыжими ощерившись стожало,
Лишь взлаивала тонко, лишь визжала
Под лезвиями ножевых штыков.

Тогда Невейкин, первый ротный враль,
Лег грудью тощею на ржавую спираль.
За ним еще,
ногами на восток,
По парню русскому на дьявольский виток.

И по мосткам,
по хрустким позвоикам,
Мы шли —
работу добывать штыкам...
Таков был путь к космическим виткам.



Максим Бебан



* * *

От жара облака вскипали,
дрожал от грома Байконур,
а через час смоленский парень
в полете Землю обогнул...

Антенны во Вселенной шарят,
ракеты космос рассекли,
в иллюминатор входит шарик
внезапно маленькой Земли...

И все прицельнее, все метче
взгляд сквозь «магический кристалл»...
Нет, не планета стала меньше,—
сам Человек великим стал!

Ольга Берггольц



ПОЛЕТ

Утро. Больше половины века.
Над землей — притихший звездиый кров.
К звездам отправляют человека.
Человек вериулся. Жив-здоров.

Мы глядим, робея. Неужели
Ои — как мы,
а мы — под стать ему?
Неужели ж это мы летели
Сквозь десятки зорь,
и страи,
и тьму?

Это мы — вся плоть и кровь иарода,
Наш Семнадцатый крылатый год.
Это все сорок четыре года
Продолжается его полет.

И сегодня за чертой вселеиской
Побывал, вериувшись иа иочлег,
На родиую Землю, иаш смолеиский,
Наш родиой,
иаш звездиый человек.

1961, 13 апреля

Виктор Боков



МОГИЛА ГАГАРИНА

Его могнла необычна.
Она в лесу, оиа в корнях.
Я убедился в этом лнчио,
Я посетнл ее иа днях.

Стоял, задумавшнсь, в печали,
Как мать о Юрнн скорбя.
А за поннкшнми плечамн
Сияло небо октября.

Где падал ои — там ключ пробился.
Колодец ключевой возннк.
Так, значнт, Юрий вновь родился —
И он не Юрий, а — родннк!

Идут к нему седые старцы
И воду черпают в кувшин.
Солдаты, те снимают каскн,
Молчат молчаиием мужчнн.

Березы стали колыбелью
И усыпальннцей его.
Оии зеленою шннелью
Укрылн сына своего.

Ты должен съездить в лес печальный,
Пока свежи его следы,
И выпить в клятвенном молчанье
Глоток гагаринской воды!



Майя Борисова



СТИХИ О ЗВЕЗДАХ

...И в голубом
зловеще черная,
На тяжких стапелях привстав,
Ракета вздрогнет,
обреченная...

Но все произойдет
не так.
А будет полная торжественность
И вера твердая в успех,
И откровенная тождественность
Себя в душе
с собой для всех.
Не огорчаемый помехами,
Он встанет, величав и прост,
И улыбнется: «Ну, поехали!»
И долетит
до синих звезд.

...Но вот минуют годы, годы, годы...
От горизонта
пронесется гром.
И он — седой, орлиноглазый, гордый —
Сойдет
на позабытый космодром.

Он выслушает праздничные речи,
Лицо в земные окунет цветы.
И выйдет из толпы
                    ему навстречу
Не жалкое подобие святых,
Не призрак, постаревший и нелепый,
Боготворящий вечные посты,
А женщина
                    во всем великолепье
Цветущей материнской
                    красоты.
И юноша, застенчивый и дерзкий,
Горячий лоб
                    прижмет к его плечу.
И скажет:
                    «О тебе я знаю с детства».
И скажет:
                    «Завтра к звездам
                                        я
                                        лечу».



Константин Ваншенкин



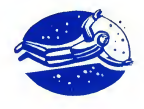
* * *

В болезненном тщеславии своем,
С улыбкой доброй иль с усмешкой злою,
На этом малом шарике живем,
Который называется Землею.

В лучах проспекта или пустыря,
Или у океанской зыби серой —
Равно внутри того же пузыря,
Который именуют атмосферой.

Но в чем же наше счастье будет впредь?
Чтобы с негромкой грустью оглянуться
И навсегда отсюда улететь?
Иль все же в том, чтобы сюда вернуться?

Сергей Васильев



ПО НАШЕЙ ВОЛЕ

...Не в дымке вымысла.
                              Не в сказке.
А по программе
                    граидиозной,
по нашей воле,
                    по указке
Большой
          Науки
                    Краснозвездиой.
Мы говорим ракете:
                              — Здравствуй!
Есть у Земли
                    в распоряженье
такой Серпасто-Молоткастый
экспресс
          всесветного движенья.

Евгений Винокуров



* * *

Порой в гостях за чашкой чая,
Терзая ложечкой лимои,
Я вздрогиу,
                втайие ощущая
Мир вечиости, полет времеи.

И чую, где-то по орбитам
Мы в беспредельиости летим.
О если б воспарить иад бытом,
Подияться бы,
                восстать иад иим!

И выйти иа вселеиский стрежеиь,
И в беспредельиости кружить,
Где в воздухе, что так разрежеи,
Нельзя дышать,
                ио можио жить.

Валентин Вологдин



* * *

Молодые
            да ясноглазые,
Неизвестные,
Незаметные...
Их фамилии не указаны
Ни молвой,
Ни строкой газетною.
От чужого глаза хранимые,
Строго
        там, где надо, учтенные.
А зовут их просто
                    по имени —
Лаборантки,
Друзья,
Ученые.
Но однажды
            в огромном мире
Через все города и страны
Называет Москва
                фамилию
Четким голосом Левитана.
Ладно скроенный,
Крепко сшитый,
Славой целой Земли
                    подарен,

Прямо с неба
к друзьям спешит он —
Все такой же
веселый парень.
Все такой же
Невозмутимый.
И опять лаборанткам хочется
Называть его так,
по имени,
Но, смутясь,
добавляют отчество.
И торопят его с рассказами...
А кругом
пока неизвестные
Молодые
Да ясноглазые
Наши
русские
парни чудесные.



Павел Герман



ВСЕ ВЫШЕ

ПЕСНЯ

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор;
Нам разум дал стальные руки — крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Бросая ввысь свой аппарат послушный
Или творя невиданный полет,
Мы сознаем, как крепнет флот воздушный,
Наш первый в мире пролетарский флот!

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет,

И, верьте нам, иа всякий ультиматум
Воздушиый флот сумеет дать ответ.

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет иаших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие иаших граииц.

1933



Николай Добронравов



ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ?

ПЕСНЯ

Знаете, каким он парнем был,
Тот, кто тропку звездную открыл?
  Пламень был и гром,
  Замер космодром,
И сказал негромко он...
    Он сказал: «Поехали!»
    Он взмахнул рукой,
    Словно вдоль по Питерской, Питерской,
    Пронесся над Землей.

Знаете, каким он парнем был?
Как поля родные он любил...
  В той степной дали
  Первый старт с Земли
Был признаньем ей в любви.

Знаете, каким он парнем был?
На руках весь мир его носил...
  Сын Земли и звезд
  Нежен был и прост,
Людям свет, как Данко, нес.

Знаете, каким он парнем был?
Как на лед он с клюшкой выходил,
Как он песни пел,
Весел был и смел,
Как азартно жить хотел!

Знаете, каким он парнем был?
Нет не «был»! Ведь смерть он победил!
Слышишь дальний гром,
Видишь, это он...
Вновь идет на космодром.



Николай Добронравов



СОЗВЕЗДЬЕ ГАГАРИНА

ПЕСНЯ

Пусть звезды опять нам назначат свидание,
Мы слышим разряды космических вьюг...
Ты с нами, ты с нами идешь на задание,
Первый, верный, единственный друг!

В лесах за Владимиром сосны столетние,
И хмурое солнце под утро встает...
Не будет, не будет полета последнего —
Помнят люди твой первый полет!

Тебя вспоминают Парижа окраины,
Проспекты Москвы и рязанская рожь.
А дети на свете играют в Гагарина,
Значит, ты на планете живешь!

Ты мир подружил с удивительной сказкою,
Сияет улыбка, как зорька во мгле...
От этой улыбки и доброй и ласковой
Стало людям теплей на земле.

Всё ближе, всё ближе нам небо бескрайнее,
И подвигам в жизни не будет конца.
Восходит над миром Созвездье Гагарина,—
К правде, к свету стартуют сердца.

Евгений Долматовский



РОДИНА СЛЫШИТ

ПЕСНЯ

Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает.
С дружеской лаской,
Нежной любовью
Алыми звездами башен московских,
Башен кремлевских
Смотрит она за тобою.

Родина слышит,
Родина знает,
Как нелегко ее сын побеждает.
Но не сдается,
Правый и смелый!
Всею судьбой своей ты утверждаешь,
Ты защищаешь
Мира великое дело.

Родина слышит,
Родина знает,
Что ее сын на дороге встречает,
Как ты сквозь тучи
Путь пробиваешь.
Сколько бы черная буря ни злилась,
Что б ни случилось,
Будь непреклонным, товарищ!

Евгений Долматовский



Я — ЗЕМЛЯ!

МАРШ КОСМОНАВТОВ

На душе и легко и тревожно,
Мы достигли чудесной поры:
Невозможное стало возможным,
Нам открылись иные миры.
Только б мы их пределов достичь не смогли,
Если б сердцем не слышали голос вдали:

«Я — Земля!
Я своих провожаю питомцев —
Сыновей,
Дочерей:
Долетайте до самого солнца
И домой возвращайтесь скорей!»
— Долетим мы до самого солнца
И домой возвратимся скорей!

Покидаем мы землю родную,
Для того, чтоб до звезд и планет
Донести нашу правду земную
И земной наш поклон и привет,
Для того, чтобы всюду победно звучал
Чистый голос любви, долгожданный сигнал!

Далеки, высоки наши цели,
С нами вместе на звездном пути

Те, что жизни своей не жалели
И земле помогли расцвести.
Пусть победно звучит и для них и для иас
Командирский приказ, материнский иаказ:

«Я — Земля!
Я своих провожаю питомцев —
Сыновей,
Дочерей:
Долетайте до самого солнца
И домой возвращайтесь скорей!»
— Долетим мы до самого солица
И домой возвратимся скорей!





ТОВАРИЩ ГАГАРИН

Мие кажется,
что я встречался с ннм.
Его лнцо, ей-богу, мне зиакомо!
Быть может, ои
со мною ехал в Крым
В одном купе.
И рядом спал, как дома.
Быть может, ои
со мной в кино входнл.
А нынче
вышел
к звездам,
на орбнту.
И нашей славой Землю осветил,
Хоть он — одии из сотен
тысяч с внду!
Одни из сотеи тысяч иа Земле
И первый в космосе!..
Товарнщ иаш, Гагарин.
Еще вчера
в его земной семье
С каким волненьем это утро
ждали!

Еще вчера он,
неизвестный нам,
Уже готов был
к этому рассвету,
Тревожно дорог
близким и друзьям,
Центральному родному
Комитету.
И вот свершилось наше
торжество.
Гагарин! —
всюду слышится в эфире.
Как я сегодня счастлив
за него,
За мать его
и за детей его,
За нашу Родину,
прекраснейшую в мире!

1961, 12 апреля



Юлия Друнина



* * *

Из последних траншей
Сорок пятого года
Я в грядущие
Долго смотрела года —
Кто из юных пророков
Стрелкового взвода
Мог представить,
Какими мы будем тогда?..

А теперь,
Из космических семидесятых,
Я, смотря в раскаленную
Юность свою,
Говорю удивленно и гордо:
— Ребята!
Мы деремся
Еще на переднем краю!

Лев Дубаев



* * *

Звезда пульсирует.
Звезда...
Что означают позывные?
Не знают станции земные.
Звезда пульсирует.
Звезда...

Надежда ли? Сигнал беды?
Над колеей, над бездорожьем,
В ночи безбрежной и тревожной
Не умолкает крик звезды.

Что одиночества страшней!
Молчит планета голубая.
И, только вспышками мигая,
Гроза проносится над ней.

И океанов зеркала,
Мигнув, отбросят луч стократно,
И эхо кинется обратно,
Слетев с соленого крыла.

Стою у Млечного Пути,
Где волны бьют в гранитный панцирь.

Звезда пульсирует в горсти,
И свет ее течет сквозь пальцы.

Она, как маленький птенец,
Клюет с ладони чью-то долю
И ждет, когда же наконец
Я отпущу ее на волю.

Что ей известно о любви?
О нашей жизни? Нашей смерти?
Что ей до нас? — земные дети...
Не звездный свет у нас в крови.

Но отчего, сквозь толщи лет,
Она следит за нами с детства?
И человеческое сердце
Летит, как бабочка, на свет...



Михаил Дудин



*   *   *

Икары гибиут иа лету,
Но через гибели удары
Все дальше дерзкую мечту
Несут крылатые Икары.

Встречая гибель грудью в грудь
И презирая пораженья,
Оии прокладывают путь
Через земиое притяжеиье.

Их души подвигом живут
До предпоследиего усилья,
И к звездам мужество зовут
Пространством сломаииые крылья.

Как звезды, светят имеиа
Героев, чьи пути прекрасны.
Глухой Вселениой времеиа
Над дерзким мужеством ие властиы.

Владимир Дыховичный
Михаил Слободской



ПЕРЕД ДАЛЬНЕЙ ДОРОГОЙ

ПЕСНЯ

Когда не знавали обычаев новых,
В те давние дни и года,
Коней ожидая на трактах почтовых,
Все путники пели тогда:

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь!
Давай же, ямщик, потихонечку трогай
И песню в пути не забудь!

И верст, и веков пролетело немало,
Составы по рельсам бегут,
Но все на тревожных перронах вокзала
Опять по старинке поют:

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь!
Давай, машинист, потихонечку трогай
И песню в пути не забудь!

Пусть нынче ракеты со скоростью света
Проносятся звездным путем!
Мы все ж перед стартом, не глядя на это,
Опять по старинке поем:

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь!
Давай, космонавт, потихонечку трогай
И песню в пути не забудь!



Евгений Евтушенко



Я — ЗЕМЛЯНИН ГАГАРИН

Я — землянин Гагарин,
человеческий сын:
русский, грек и болгарин,
австралиец и финн.

Я вас всех воплощаю,
как порыв к небесам.
Мое имя случайно.
Не случаен я сам.

Как земля ни маралась,
суетясь и греша,
мое имя менялось.
Не менялась душа.

Меня звали Икаром.
Я — во прахе, в золе.
Меня к солнцу толкала
темнота на земле.

Воск растаял, расползся.
Я упал — не спасти,
но немножечко солнца
было сжато в горсти.

Меня звали холопом.
Злость сидела в спине —
так с притопом, с прихлопом
поплясали на мне.

Я под палками падал,
но, холопство кляня,
крылья сделал из палок
тех, что били меня.

Я в Одессе был Уточкин.
Аж шарахнулся дюк —
так над брючками-дудочками
взмыл крылатый биндюг.

Под фамилией Нестеров
крутанул над землей,
я Луну заневестивал
своей мертвой петлей!

Смерть по крыльям свистела.
К ней презренье — талант,
и безусым Гастелло
я пошел на таран.

И прикрыли бесстрашные
крылья, вспыхнув костром,
вас, мальчишки тогдашние,
Олдрин, Коллинз, Амстронг.

И, надеждою полон,
что все люди — семья,
в экипаже «Аполлон»
был невидимо я.

Мы из тюбиков ели —
нам бы чарку в пути.
Обнялись, как на Эльбе,
мы на Млечном Пути.

Шла работа без трепа.
Жизнь была на кону,
и ботинком Амстронга
я ступил на Луну!

Александр Жаров

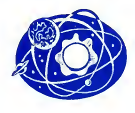


ГЕРОЙ-ЧЕЛОВЕК

Истории ныне подарен
Всего человечества взлет.
Из космоса Юрий Гагарин
В легенду народа идет.

1961, 12 апреля

Николай Зиновьев



БЕРЕГ МИРОЗДАНЬЯ

Нам небесные карты
Суждено начертить.
Три минуты до старта ..
Этот мнг не забыть.

Где-то в звездной пучине
Незнакомое ждет,
Бесконечное в сннем
Нас маннт н зовет.

Будем мы непременно
Там, у Моря Мечты,
Говорить со Вселенной,
Словно с другом, на «ты».

Ведь не снилось Коперннку,
Что потомки его
Землю сделают берегом
Мнрозданья всего.

1961, 13 апреля

Михаил Исаковский



Я В ЖИЗНИ ВСЕМ ТЕБЕ ОБЯЗАН

Нашей партии

Я в жизни всем тебе обязан,
Мне без тебя дороги нет.
И я навек с тобою связан
С далеких юношеских лет.

И там еще, под отчей крышей,
И знал и сердцем чуял я,
Что не бывает цели выше,
Чем цель высокая твоя.

Ты — ум и правда всех народов,
Заря, взошедшая во мгле;
И мир, и счастье, и свободу
Ты утверждаешь на земле.

И этот путь свой необычный
С тобой лишь мог пройти народ —
Путь от лучины горемычной
И до космических высот.

Аркадий Каныкин



ПУТЬ К СТАРТУ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Я помню этот день
и этот час.
На полуноте
оборвался марш.
И зачитали Сообщенье ТАСС,
что в космосе —
Г а г а р и н !
Юра!
Наш!
И снова марш.
И снова он смолкал.
И первый
с космодрома репортаж
в сердцах слова
навеки высекал:
Советский человек!
Гагарин! Наш!
Наш в космосе!
Наш — первый на Земле
Сын Человечества
в космическом пути.
И наше сердце
билось в корабле.

Мы эхо пульса
слышали в груди.
Так стало хорошо —
хоть обними
и поцелуй любого.

Наш в космосе!
Товарищи! Друзья!
Наш в космосе!
Теперь за нами слово.

* * *

Так повелось —
необходимо нам
знать,
видеть
и любить
первопроходца,
чье имя
станет гимном
нашим дням,
итогом нашим будням и делам
и песнею в грядущем
отзовется.

Вот почему
совсем не все равно
нам было,
кто,
каков он,
этот парень.
В апреле было названо оно,
то имя — и понравилось:
Г а г а р и н!

Все разъяренней двигателей гул.
«Кедр! Я Заря-один!..»
У Королева
все резче взгляд,
все тверже связка скул,
все бережнее сказанное слово...

Уже погас в высотах гул и свет,
уже Москва сказала всей планете,

а распылял еще
апрельский ветер
над Байконуром
серебристый след...

* * *

Тревоги и волненья не унять.
Не важно, первый или сотый взлет,
но будет этот
путь на старт опять.
Сигнал.
И как всегда — вперед.
Вперед!



Семен Кирсанов



ЭТО — НАШ ПЕРВЕНЕЦ

Человек —
в космосе,
человек —
в космосе!
Звездолет
вырвался
с неземной скоростью.
У него
в корпусе
каждый винт в целости.
Человек
в космосе —
это Пик Смелости!

Не на звон
золота,
а за мир истинный —
в пустоту
холода
он глядит пристально.
Он глядит
молодо —
человек в космосе,

светит
Серп с Молотом
на его компасе.
Больше нет
робости
перед тьмой вечною,
больше нет
пропасти
за тропой Млечною.
Наверху —
ждут еще:
мир планет светится,
скоро им
в будущем
человек встретится!
Из сопла
проблески
в свет слились
полностью.
Как желты
тропики!
Как белы
полюсы!
Океан вылужен
чешуей
синею,
а Кавказ
выложен
вековым инеем.
Человек в космосе —
это смерть
косности,
это жизнь —
каждому
с молодой жаждою!
Это путь
радугой
в голубой области!
Это мир
надолго
на земном глобусе.
Это жизнь
в будущем,

где нам велено.
Это взгляд
            юноши
из страны Ленина.

Всех сердец
сверенность —
на его компасе.
Это —
наш первенец —
человек в космосе!

1961. 13 апреля



Кирилл Ковальджи



МОНОЛОГ ГАГАРИНА

Я спустился сквозь облако
перистое,
и оказалось —
герой...

Выпало мне первенство —
первым мог быть и второй.
Слава была подлинная,
славы было полно,
но следующего подвига
мне не суждено.
Меня охраняют от гибели,
живого отлили в медь.

Я тяготения имени
не в силах преодолеть...
Неужто почетным
праведником
показываться толпе
и стариться
памятником
самому себе? —
речи, приемы, застолья
на весь отпущенный век...

Но я ведь не только
история,
я живой человек!
Простите меня, начальники,
Родина и народ,
позвольте вы мне нечаянный
еще хоть один полет!

Полна моя молодость истиной,
что верить нельзя в предел...

Не вынес я славы пожизненной.
Я жить перед смертью хотел.



Владимир Костров



УЛЫБКА ГАГАРИНА

Когда на Землю он вернулся,
Закончив звездные дела,
Так белозубо улыбнулся,
Улыбка так была тепла,
В ней только доброта и сила —
Ни капли превосходства нет.
Как будто роща излучила
Березовый,
Озерный свет.
Она объединила мудро
Движенье воли и ума:
Так солнечным морозным утром
Смеется русская зима.
Она, как чудо, нам открылась,
И был таков ее размах,
Такая искренность
Искрилась
В чуть-чуть прищуренных глазах!
Ее ликующая сила,
Как будто выхватив из мглы,
В одно мгновенье осветила
Планеты темные углы.
И четче стала
И точнее
Эпохи каждая черта.

С ней стала чернота
Чернее,
И чище стала чистота.
Нам с ней светлей в пути великом,
Душа теплей в ее тепле.
Да, без гагаринской улыбкн
Темнее было б на Земле!



Виктор Кочетков



ПЕРВЫЙ СЛЕД

...Ракета в глубь небес
проложит след
И мрак прошьет
серебряною нитью,
И человек
готовится к отплытью
В пределы неизведанных планет.

Взметнется пыль
космических дорог,
Живая искра
просверкнет над бездной,
И к нам дойдет
из тьмы тысячезвездной
Неторопливый
русский
говорок.

Михаил Луконин

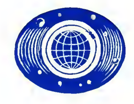


СПАСИБО, ЖИЗНЬ!

...Нам с высоты нагляднее и заметней,
Как мы теперь сильнее на лету,
Виднее путь вперед
                    двадцатилетний.
Спасибо, жизнь,
За эту высоту!
Да, это все, поэзия, иное.
Спросить ученых,— может, средство есть.
У космонавтов спросим: как земное
Давление восторга перенесть?
Несем цветы, к груди их приминая,
И говорим себе: «Вот это да!»
Мы к радостям своим, страна родная,
И сами
Не привыкнем никогда.

1961

Леонид Мартынов



ВО-ПЕРВЫХ, ВО-ВТОРЫХ И В-ТРЕТЬИХ

Всего
Еще понять не можем —
Как видно, время не пришло,
И долго мы не подытожим,
Всего, что произошло.

И обо всех
Явленьях этих
Твердим казенным языком:
«Во-первых, во-вторых и в-третьих»,
Но даже в случае таком —

Во-первых:
Немы от разлуки,
На колоссальной вышине
Вновь запросились в наши руки
И серп и молот на Луне.

И во-вторых,
Вдруг замаячил
Все резче Марса уголек
И путь туда казаться начал
Не столь далек, не столь далек.

И в-третьих, ближе к нашим крышам
Венера подошла звезда:
«Вы слышите меня?»—«Мы слышим!»
Все это началось тогда,

Когда
Весенним утром ясным,
Земля, вознесся над тобой
В своем комбинезоне красном
Пилот от неба голубой.



Иван Мирошников



АЛЛЕЯ КОСМОНАВТОВ

Деревьям большей не найти награды —
Встречать друзей, ракетный слушать гул.
С гостиницей космическою рядом
Они в почетный встали караул.

Грустят о тех, кто к ним прийти не сможет
Под пологом горячей синевы,
А тех, кто славу самых первых множит,
Приветствуют ладошками листвы.

Заки Нури



НЕБО ЗЕМЛИ

Летят к самым дальним планетам
Упрямых землян корабли.
Проходит рассвет за рассветом
По доброму небу Земли.

Все дальше, все дальше Победа,
Добытая в страшной войне.
Земные давнишние беды...
Жестокое небо в огне...

Земля нас, землян, научила
Глядеть на нее с вышины —
Земля для землян залечила
Жестокое небо войны.

И вымпелы с гербом державы
Сквозь космос несут корабли,
Как алые отблески славы,
Добытой под небом Земли.

Земные восходят рассветы
На небе далеких миров,
Где искрами вьются планеты
С давнишних походных костров...

Лев Озеров



НАША ЗЕМЛЯ

Наша земля не пустырь, не погост,—
Пашня, что тьмою веков не состарена.
Пашня усыпана зернами звезд —
Образ не мой, а Гагарина.

Пашня — главная из забот,
Которой еще недостаточно воздано.
Смоленский крестьянин с далеких высот
Землю увидел засеянной звездами.

Сергей Орлов



ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

...В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немыслимой дали,
Будут прилетать издалека,
Возвращаться с неба корабли.

Никаких оркестров в тех веках.
Точный график расписанья прост.
Только у вернувшихся в глазах
Блеск работы — свет далеких звезд.

Но хочу, чтоб там, в слепящей мгле,
Знали, звездный обретя венец,—
Мы их здесь встречали на земле
Ревом пушек, грохотом сердец.

Александр Прокофьев



ТОРЖЕСТВО

Первой строчкой, честной и прямой,
Шлю тебе привет, товарищ мой!

Песенной судьбой, певучей властью
Я, товарищ мой, заликовал.
От души тебе желаю счастья,
Впрочем, ты его завоевал!

Мир гудит от края и до края,
Мир увидел наше торжество.
И полна любви страна родная,
Гордости за сына своего.

Анатолий Поперечный



ШАГИ

ПЕСНЯ

По тишине, как по воде, круги.
Я слушаю бессонницы шаги,
Бессонница шагает по земле,
По синим космодромам на заре.

Шаги, шаги
По трапу, по траве,
По белым облакам,
По синеве.
Шаги, шаги...
По небу — пять шагов.

За каждым шагом —
Отзвуки миров!

И я не сплю, я слушаю шаги.
В домах уже погасли огоньки,—
Мужчины отдыхают, чтоб опять
На зорях по земле большой шагать.

А под Калугой, в маленьком селе,
Сегодня утром радостно в семье —
Шагнул мальчишка, первый раз шагнул...
И вновь на космодромах слышен гул!

Николай Рыленков



ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

Поэзия, мечта и правда,
Любви неугасимый свет.
И на столе у космонавта
Стоит Есенина портрет.

На подвиг право заработав,
Он чует звездный зов вдали.
А в небе, кроме всех расчетов,
Нужна поэзия Земли.

Михаил Светлов



ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

Как огородники гряду за грядкой,
Освоили мы тайны всех дорог.
Летит Гагарин. На него украдкой
Глядит скомпрометированный бог.

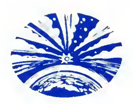
Я счастлив оттого, что есть орбита,
Что я подвижен и что я кручусь,
Что я земной, друзьями не забытый
И в очереди к счастью нахожусь.

В чем же судьба моя, судьба поэта?
Мне кажется, что я незаменим,
Мне кажется — подписаны планеты
Великолепным росчерком моим.

Мне эта ситуация знакома,—
В теченье долгом трудового дня
Из космоса, как из родного дома,
Товарищ русский смотрит на меня.

Как хороша ты, звездная дорога!
Летит Гагарин. Он устал чуть-чуть.
И перед ним торжественно и строго
Блестит кремнистый лермонтовский путь.

Илья Сельвинский



ДОРОГУ, КОСМОС: ЛЕТИТ ЗЕМЛЯ!

Юрию Гагарину

Чтоб осознать все богатство события,
Надо в пилоте представить с е б я:
Это ты,
        читатель,
                        из ритма обычая
Вырвался, пламенем всех ослепя;

Это ты, экономя в скафандре дыхание,
Звезды вокруг ощущаешь, как вещи,
Это ты, это ты раздвинул заранее
Грани психики человечьей;

Ты — утратив чувство весомости,
Ангелом над телефоном паришь,
Ты — в состоянии нервной веселости
Рядом приметил Гжатск и Париж...

И хоть бинокль высокого качества
Видит Землю во все люнеты,
Это тебе Земля уже кажется
Эллипсоидом дальней планеты,

А ты во Вселенной — одии-
единствениый,
Ты уже ие Юрий — комета сама,
И пред тобой раскрываются истины
Такие, что можно сойти с ума!

Но ты ие искриикой махнул
во Вселеииую,
Тебя не осколком несло сквозь небо;
Луиу ты можешь иазвать Селеиою —
И это совсем не будет нелепо:

От древиего Стикса до нашей Москвы-реки,
Вся устремившись в этот полет,
Культура
всей человеческой
лирики
В дикости космоса
гордо плывет.

И сколько бы звезды тебя ии мытарили,
Земляк ты иаш перед целым светом,
«Земля»— твоя марка иа ииструмеитарии,
Но ие ищи ты абстракции в этом:

С собою взял ты аппаратурою
Не только приборы своей страиы,
Но и в мешочке землицу бурую —
Русскую пашию, весенние сиы...

Высоко иад радугой полушария
Ты в чериоте изучаешь Солице,
Ты отмечаешь лииию бария,
Цифру виосишь в рубрику —«стронций»,

Но милый светец избы иа Смоленщиие,
Но этажерка любимых киих,
Но брови той удивительиой жеищины,
Что пальцы ломает в этот миг,

Но дочки твоей шоколадная родиика,
Мать, породившая чудо-сыиища,—
Это родиая земля, это Родииа,
Этого ты и иа Солице ие сыщешь!

Что может значить мирок этот маленький,
В стихиях стихий лилипутный уют?
Сквозь хладный Хаос
теплинки-проталинки
В ладонях душу твою берегут.

А в этой душе — города и селения,
Мир и любовь,
Октябрь и семья,
Чего и во снах не видит Вселенная...
Дорогу, космос: летит Земля!

1961



Геннадий Серебряков



* * *

Нас иевзгоды бросали
С крутизиы, с высоты.
И сквозь иас прорастали
Полевые цветы.
Отпевали иас трубы,
Медь литая литавр.
Ох, как долго и трудио
Мы учились летать!
Мѐтеором сгорали,
Чтоб другие смогли
По гудящим спиралям
Провести корабли,
Чтоб в бескрайиие сиии
Переброшеи был мост...
Мы собою мостили
Дорогу до звезд.

Константин Симонов



САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Рассвет. Еще не знаем ничего.
Обычные «Последние известия»...
А он уже летит через созвездия,
Земля проснется с именем его.

«Широка страна моя родная...»
Знакомый голос первых позывных,
Мы наши сводки начинали с них,
И я недаром это вспоминаю...

Не попросив подмог ни у кого,
Сама восстав из пепла войн и праха,
Моя страна, не знающая страха,
Шлет ныне в космос сына своего.

Мы помним все. Ничто не позабыто.
Но мы за мир. Всерьез! Для всех! Навек!
И, выведен на мирную орбиту,
С природой в бой идет наш человек.

Волненье бьет, как молоток,
по нервам.

Не каждому такое по плечу:
Встать и пойти в атаку
самым первым!
Искать других сравнений не хочу.

1961, 12 апреля



Борис Слуцкий



И ОН ВЗЛЕТЕЛ

Фронт проходил по Гжатскому району.
Дома района были сожжены,
Сады — порублены. Среди детей,
Среди мальчишек Гжатского района,
Голодных и бездомных, жил тогда
Гагарин Юра — первоклашка. Мы,
Бойцы, сержанты, офицеры,
Лежавшие в снегу под Гжатском,
Мы точно знали: первый космонавт
Живет под Гжатском.
Знали: он голодный,
Бездомный мальчик.
Знали: Гитлер лично
Распорядился вбить его в снега,
Загнать под лед,
Чтоб не глядел на звезды,
Чтобы не рос, не вырос, не взлетел.
Мы знали — и решили обеспечить
Полет.
И космонавт взлетел.

1961, 12 апреля



ЮРИЙ ГАГАРИН

В одном театре, в темном зале,
неподалеку под Москвой
тебя я видел вместе с Валей,
еще женой, уже вдовой.

И я запечатлел незыбко,
как озаренье и судьбу,
и эту детскую улыбку,
и чуть заметный шрам на лбу.

Включив приемник наудачу,
средь воли эфира мировых
вчера я слушал передачу
кружка товарищей твоих.

Они, пробившись к нам сквозь дали,
не причитали тяжело,
а только медленно вздыхали,
как будто горло им свело.

И эти сдержанные вздохи
твоих подтянутых друзей —
как общий вздох одной эпохи,
как вздох морей и вздох полей.

Я видел сквозь туман московский
как раз тридцатого числа,
как тяжкий прах к стене Кремлевской
печально Родина несла.

Ты нам оставил благородно,
уйдя из собственной среды,
большие дни торжеств народных
и день одной большой беды.

1968



Сергей Смирнов



ЗВЕЗДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Юрию Гагарину

Пусть померк
                    в лучах победы Вашей
Этот факт...
А дело было так:
Мы купили с дочерью Наташей
Жавороиков, скромиых певчих птах.

Дали хлеба милой певчей паре,
Продержали дома с полчаса
И во имя Вас, майор Гагарин,
Отпустили —
                    прямо в иебеса.

Вот и все.
Но кажется Наташе,
Что за шумиым городом Москвой
Обитают жаворонки иаши
И владеют ширью полевой.

Вы-то их разыщете едва ли,
Но когда посмотрите в зенит,
Слушайте и верьте,
                    что иад Вами
Их земная музыка звеиит.

Валентин Сорокин



ВЕЧНЫЙ КОСМОНАВТ

Стоит космонавт, окруженный
Слепой, непроглядною тьмой.
Внезапно бедою сраженный,
Уже не вернется домой.

И сквозь метеорные стоны,
Как будто за что-то корят,—
Сурово блистают погоны,
Награды героя горят.

И Родина, Родина-мама,
В любой непогожий рассвет
Ему посылает упрямо
Святой и семейный привет.

Когда же, лучась, пронесется
Другой голубой звездолет,
Он вздрогнет на миг и очнется
И голос вдогонку пошлет:

— Я здесь, я желаю успеха,
Пусть мне никуда не уйти,
Я самая верная веха
На огненном вашем пути!..



МАТЬ И СЫН

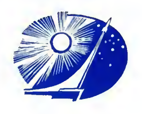
Вот оно, свершилось, это чудо!
...Мать идет — посторонись, народ:
Сын вернулся, да еще откуда —
Из самих космических широт!

Это он ворвался в наше завтра,
Что самой фантастике под стать...
Первого на свете космонавта
Обнимает и целует мать.

И с такой же материнской силой,
Радость всенародную деля,
Обнимает сына вся Россия,
Рукоплещет сыну вся Земля!

1961

Алексей Сурков



ПАМЯТИ СОКОЛА

Безгласный, он застыл
на смертном ложе,
Свершив по жизни путь
недолгий свой.
А сердце и не хочет
и не может
Смириться с этой вестью
роковой.

Я вспоминаю в этот день
печальный,
Как, сказку воплотивши
наяву,
Счастливый, гордый
встречей триумфальной,
Вернулся он из космоса
в Москву.

Изведать радость взлета
в космос снова
Лелеял он в своей душе
мечту.
И, смелый сокол, к подвигу готовый,

Он жадно устремился
в высоту.
И смерть... Удар
безжалостный и грубый...
Но не затмит горючая слеза
Свечение улыбки белозубой
И озорные, дерзкие глаза.

И навсегда останется
нетленной
Среди племен, живущих
на Земле,
Любовь к тому, кто на
простор Вселенной
Ушел с Земли на первом
корабле.



Людмила Татьяничева



В КАБИНЕТЕ КОСМОНАВТА

...В глухой провинции Вселенной
Планет, что снегу, намело.
На космонавта смотрит Ленин
С портрета дружески светло.
В глазах спокойное вниманье,
И утвержденье,
И вопрос,
И дорогое пониманье,
Насколько этот путь непрост!
Враги нам гибелью грозили
И нашей гибелью клялись.
Легко ли лапотной России
Взбираться было в эту высь!
Легко ль,
Прорвавшись в эти дали,
Где смерть и вечность
В двух шагах,
Пространств и времени скрижали
В своих удерживать руках?!

Завидной чести удостоен,
Ведет корабль среди планет
Великий труженик, и воин,
И революции полпред.

На космонавта смотрит Ленин
С портрета дружески светло.
В глухой провинции Вселенной
Планет, что снегу, намело.



Александр Твардовский



КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой,—

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век,—
Там тоже, отправляясь на заданье,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете,
И не сравнить с твоею высоту,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывалися черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

1961



Александр Твардовский



ПАМЯТИ ГАГАРИНА

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам.
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей — планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул на ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой Вселенной
Земных своих достигнув берегов,

Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слыхал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печаль грядущих дней,
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути
Не меньшее, чем подвиг, испытанье,—
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем нескупым,

Кого еще до всякой славы было
За что любить,— недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком.

1968



Николай Тихонов



* * *

Звездный почерк
Разберет не каждый,
Не такой простой он,
Звездный путь,
То, что там написано
Однажды,
Никаким пером
Не зачеркнуть.

Пусть звенит над нами
И грохочет
Будней
Беспощадная труба,
Мы живем
В молчанье этой ночи,
Где стихи, и звезды, и — судьба!

Владимир Туркин



ЮРИЮ ГАГАРИНУ

Да, это верно — не забудем
Ни малой мелочи о нем.
И жизнь его изучат люди
Всю — год за годом, день за днем.

Он вровень встал с грядущим веком.
Но скорбь лишь глубже оттого,
Что до бессмертья своего
И он был смертным человеком.

Николай Ушаков



РАБОТАЮТ ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Прием, как на граннце сказки,
на гранн неба и земли.
И вот — в невиданной оснастке
уходят к звездам корабли.
Еще восторг предположенья
не ставнт слншком дальннх вех,
но в космосе открыл движенье
советский смелый человек.
И все народы рукоплещут,
н людн все восхищены —
открылись души им и вещн
с какой-то новой стороны.

1961, 13 апреля

Василий Федоров



ЗЕМЛЯ И ВЕГА

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «СЕДЬМОЕ НЕБО»

Земля моя,
Моя родная Русь,
Везде с тобой
Мое земное сердце.
Неужто я,
Когда домой вернусь,
Услышу плач
И стоны погорельцев?
Земля моя,
Тревожно мне порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не прибрал,
И не припрятал спички.
И потому
На небе на седьмом
Тревожусь я делами цеховыми,
Ведь мы на самолете боевом
Кроили крылья
Слишком голубыми.

Истратив звезд
Запас словесный,

Я разговаривал с родной
И поверял душе небесной
Сомненья души земной.
Я говорил:
— Здесь веет тело
Перестоявшею травой.
Летим домой.
Мне нужно дело,
Я человек мастеровой.—
И даже в грусти безотрадной
Ее не тронула мольба.
— Будь счастлив! —
И рукой прохладной
Горячего коснулась лба.—
Прощай...
— Постой, моя краса!
— Нет, я не для судьбы житейской.—
И скрылась,
И в ночи вегейской
Светили мне
Одни глаза...

Очнулся.
Цех гудел в горячке.
Слепой,
Еще во власти снов,
Я поднял голову от пачки
Дюралюминиевых листов.
Еще любимой голос слышал.
Был поздний час,
И, как всегда,
В пролете застекленной крыши
Все та же виделась звезда.

* * *

Что сон?!
Фантазия!
Наитье!
Но станет жизнь вдвойне ясна,
Когда реальное событье
Ворвется продолженьем сна.
Гагарин!.. Юрий!..
В счастье плачу,

Как будто двадцать лет спустя,
Отбросив тяжесть неудачи,
Взлетела молодость моя.
Все близко сердцу.
На планеты
Как будто я и впрямь летал.
Скажи, горячего привета
Мне там никто не передал?

И не стыжусь,
И не краснею,
Что ты, свершая свой полет,
На двадцать лет пришел позднее
И на сто лет уйдешь вперед.
Мы люди разных поколений,
Но на дороге голубой
Я рад всем точкам совпадений
Моей судьбы
С твоей судьбой.
Чем круче хлеб,
Тем жизнь упорней.
Я рад, что мы с тобой взошли
От одного большого корня
Крестьянской матери-земли.

Деревня,
Школа,
Логарифмы,
Литейка.
Лётная пора.
Все было схожим, даже рифмы
На остром кончике пера.
Мы жили словно в дружной паре,
Точнее — шли мы следом в след.
Я просто Горин,
Ты Гагарин,
Но двадцать лет
Есть двадцать лет!

Недаром же
По воле века,
Приход достойных торопя,
Меня испытывала Вега,
Чтоб не испытывать тебя.

Чтоб волю дать твоим дерзаньям,
Когда ты рос, как все, шаля,
Меня подвергла испытаньям
В те дни тревожная Земля.

Чтоб, дерзкий,
Ты взлетел с рассветом
И возвратился в добрый час,
Мы всё стерпели, но об этом
Я поведу другой рассказ.
Я расскажу иными днями,
В словах по сердцу и уму,
Какими трудными путями
Мы шли к полету твоему.



Владимир Фирсов



ЗЕМЛЯ... ЗЕМЛЯ...

На стартовой черте ракетодрома
Ступив на трап,
Впервые ты поймешь,
Как дороги тебе
Раскаты грома,
Снега гречих
И молодая рожь.
Ты вспомнишь
Теплых дождиков накрапы
И мокрый луг,
Где ты косил с отцом,
И трап
Уже покажется не трапом,
А деревенским
Стесанным крыльцом.
Потом...
Потом ты скажешь: «До свиданья!»
И под ракетой
Встанет яркий дым.
Нахлынувшие вдруг воспоминанья
Уступят место формулам сухим.
Но кто сказал,
Что формулы — сухие?

Они к тебе издалека пришли:
В них синь озер
И даль твоей России,
В них все цвета и запахи Земли.
Постой!
Еще не поздно отказаться.
Земля, Земля, не отпускай его!
Он должен жить,
Губами трав касаться,
Водою умываться ключевой,
Встречать свои закаты и рассветы...
Но манит,
Манит дальняя звезда,
И глухи стены огненной ракеты.
Когда мы снова встретимся,
Когда?..
Ты самой яркой искрою
Промчишься
В безветренной и бесконечной мгле
И все-таки на Землю
Возвратишься,
Чтоб плакать над стихами
О Земле.



ГАГАРИН В ГОСТЯХ У ШОЛОХОВА

На берегу высоком и крутом,
Над тихим Доном с неуемным нравом
Они стояли,
Позабыв о том,
Как тяжело ходить под гнетом славы.

Ни звука.
Лишь казалось, что вдали
Со звоном бились солнечные блики.
И не было ни славных,
Ни великих
Перед величьем матери-земли.

Земля...
Судьба Гагарину дала,
Неслыханное выполнив заданье,
Увидеть первым,
Сколь она мала,
Сколь крошечна
В масштабе мирозданья.

А Шолохов был рядом с ним сейчас.
Он прожил жизнь, в которой были ночи,
Когда он не смыкал усталых глаз,
Судьбою человека озабочен.
Он раньше понял,
Сколь Земля мала...
Еще тогда, на переломе века,
Он заявил о праве человека
Вершить земные, вечные дела...

В космической и беспросветной мгле
Гагарин видел солнце:
Черным шаром
Оно катилось...

И таким же самым
Его
Григорий видел
На земле.

Мала Земля.
И все же велика
Людьми, что эту Землю обогрели
Огнем, в котором за нее сгорели
И стали славой, что живет века...

Два человека медленно брели
Над тихим Доном — тихим и свирепым.
И был один немыслим без земли,
Как и другой немыслим был без неба.

И Шолохов прикрыл на миг глаза,
Как будто чувством, лишь ему понятным,
Он ощутил,
Что могут небеса
Гагарина
И не вернуть обратно.

Он эту мысль прогнал, сказав: «Чудак».
Негромко так сказал, почти невнятно.
— Что, Юра, призадумался?
— Да так...
Я о Земле подумал.
— Вот и ладно.



Феликс Чуев



МИНУТА МОЛЧАНИЯ

ФРАГМЕНТ ПОЭМЫ

Гордой памяти
Юрия Алексеевича Гагарина

Так больно, что не плачу,
не рыдаю,
ты жил во мне как самый близкий,
свой,
не потому, что слава мировая,
а потому, что парень мировой.

Такой родной,
как летный марш
«Все выше»
над праздничной,
ликующей Москвой.
И скорбной.
...арин,
...гарин.
Я не слышу.
Ведь для меня ты
больше, чем живой.

Земную славу
ханжески не прятал,

а нес ее, ворочал иа плечах,
так иес ее, тяжелую,
что рядом
никто совсем того ие замечал.

Теперь оиа размечеиа по числам.
Жнвое отлнвается в металл.
Музея нз тебя ие получилось.
Ты летчиком остался.
Ты летал.

Есть тайиы неба.
И случилось что-то.
Стою перед воронкою, скорбя.
Держу в руке осколок
самолета
холодиый сплав дюраля и тебя.

Твой МиГ тоиул,
впервые обесснлев,
впервые иеподвластеи и тяжел.
Ты к миру вышел
из берез Россни
и под березу русскую
ушел.

Твой МиГ тонул.
И, землю пробнвая,
ои вызвал к свету роднчок жнвой,
и кровь твоя,
иавеки молодая,
течет сейчас в артерин земной.

Бьет родинчок,
и озерко возиикло.
Березкн в ием вершинами
сошлнсь.
И все цветы,
что иа земле поникли,
в нем отражеино улетают ввысь.

Как шум шагов
в Красиозиамеииом зале,
там ходит ветер, травы теребя.

Мы видели в цветах твои медали,
но мертвого
не видели тебя.
Покуда землю обнимает солнце,
Гагарин с нами,
негасимый,
наш —
ведь в каждом беспокойном
комсомольце
он продолжает свой партийный
стаж.

И пусть не всем космические
бури
И небушка крутая благодать,
но будет вечно
чистый образ Юры
безумство храбрых
ввысь благословлять!
И я храню апрельскую листовку,
и внукам,
как святыню,
передам, —
пусть прикоснутся
к радости «Востока»
и к обожженным болью
временам.

* * *

...Тихо, люди. Наступает это.
Он уходит за особенный порог.
Все военные, все летчики планеты,
козырьки надвиньте —
и под козырек.
Наступает, надвигается минута.
Площадь Красная — туда не подойдешь.
Только залпы слышу главного салюта,
дрожь земли
и тихий первый дождь.
Не какого-то Икара-фаталиста,
не безудержно-слепого игрока —

мы сегодня провожаем коммуниста
в завоеванные подвигом века.

Все естественно, по мнению летящих.
Авиация нещадна, как война.
Только солнечно-красивых, настоящих
забирает, ненасытная, она.

Плачет мама. Сын не ступит за калитку,
не порадуется с батькой на поля.

Озаренная Гагаринской Улыбкой,
голубая,
будет вечно плыть Земля!

Плачет Валя, будто в чем-то виновата,—
не отвадила от неба, не смогла.
...Русый парень,
по-гагарински крылатый,
улыбается на плоскости крыла.

Он прожил 34 года,
как Чкалов.

1968



Людмила Шикина



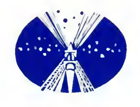
ОН БЕССМЕРТЕН

Диктор
Будто ищет, что сказать.
Он еще не верил в то,
Во что поверить
Должен был заставить шар земной.
Он назвал минуты.
Дату...
День...
И потом, как будто по ошибке:
«...Первый в мире космонавт
Погиб...»
И тогда услышали мы имя
Четко.
Как бывает в те минуты,
Больно оглушающие нас.
В те минуты
Звуки бойких улиц,
Шум дождя
И возгласы людские —
Все как будто сразу онемело.
Ждали милосердного ответа
Дочери его
От самой доброй
И от самой-самой справедливой.

Ждали:
«Нет!»—
Воскликнет громко мать.
«Нет!»
Ведь только этого хотели
Две осиротевшие девчонки,
Но в эфире птицею печальной
Проплывали скорбные слова:
«...Первый в мире космонавт
Погиб...»
И она им не сказала
«Нет!»—
Добрая из добрых на планете.
Сыновей, носивших его имя,
Матери к груди прижали крепко.
Ждали все опроверженья вести.
На тревожных улицах мальчишки
Из своих приемников, как шпаги,
В нетерпенье дергали антенны.
Им казалось, выйдь они на волю
Из квартир, наполненных печалью,
И они услышат позывные
Первого на свете космонавта,
И они услышат его голос,
Зов его:
«Земля!
Земля!
Земля!»
Но в эфире птицею печальной
Проплывали скорбные слова:
«...Первый в мире космонавт
Погиб...»
Женщина, родившая его,
В те минуты
Устремила к небу
Выплаканный, вымученный взор.
И спросила женщина у неба:
«...Как же ты?..
Он так тебя любил,
Больше матери, отца родного.
Оставлял он на земле детей,
По любимой тосковал в разлуке».
Небо было ясным в те минуты,
Светлым, как улыбка ее сына.

«Я ли его мать?..—
Она спросила,
Смутной потревожена догадкой.—
Здесь,—
Она прижала к сердцу руки,—
Здесь, под сердцем, я его носила».
И уже ни небо
И ни море,
Никакие бури
И стихии
Не могли отнять его у сердца.
«Что же ты?..
Я так его любила»,—
Повторила женщина с укором.
Небо было ясным в те минуты,
Светлым,
Как улыбка ее сына.
И в ответ ей молвило оно:
«Как ты можешь
Верить в гибель сына?!
Он бессмертен!
Первый из людей,
Он увидел землю — сразу всю,
Как земляне видят в колыбели
Малое и доброе дитя.
Он бессмертен!»—
Повторило небо.
«Он бессмертен!»—
Повторяли люди...
Только шли они
Проститься с прахом
К той стене,
Откуда он однажды
Уходил в неведомость от нас.

Анатолий Щербаков



БАЙКОНУР, XX ВЕК

ОТРЫВОК ИЗ ХРОНИКИ ЗВЕЗДНЫХ ДНЕЙ

Всем, кто осваивал
и осваивает Вселенную,—
в космосе и на земле.

Не полнится еще планета слухом
О нем, и космонавт в свой звездный час
Спокойно спит...
Но сколько сильных духом
Ни на минуту не смыкают глаз!

Чего скрывать!..
Все дьявольски устали...
Но по душе работа на века.
Корабль «Восток» стрелой по вертикали
Готов прожечь в зените облака.

Стоит корабль, мерцающий титаном.
Земля —
на новом звездном рубеже.
И к голубым светящимся экранам
Десятки глаз прикованы уже.

Над степью брызнул яркий луч рассвета.
И в каждом взгляде —
радость, торжество!..

Вот ои, Гагарии!
Скоро вся плаиета
Узнает имя русское его.
Все населеиье звездиого поселка
Явилось в степь,
про отдых позабыв,
И вот под иебом сииим,
как из шелка,
Уперся в землю реактивиый взрыв.

...Шли демоистраиты, лицами светлея.
В апрельский деиь,
что был от стягов ал,
Смотрел Герой Вселеииой с Мавзолея,
И мир,
как в деиь Победы,
ликовал!

* * *

В их дом стучатся часто посетители,
И иа крылечке миого раз иа дию
Гостей встречают Юриины родители,
Как дорогую, близкую родию.

Я тоже видел дом за палисадом,
Почет и скорбь гагариской семьи
И сотии писем,
что с доставкой иа дом
Ей шлют из Праги,
Тулы,
Вереи...

И я смотрел иа комиату квадратиую,
Смотрел,
смотрел в молчаиье иа портрет.
Как бы войдя в межзвездье иеобъятиое,
Где иавсегда его остался след.

Степан Щипачев



ПЕРВЫЙ

Далекие туманности клубя,
Всей красотою необыкновенной
Вселенная глядела на тебя,
И ты глядел в лицо Вселенной.

От угольно-холодной черноты,
От млечных вьюг
К людской согретой были,
Советский человек, вернулся ты,
Не поседев от звездной пыли.

И Родина приветствует тебя,
И человечество стоит и рукоплещет,
И спину непокорную горбя,
Вселенная к тебе склонила плечи.

Содержание



Венок Гагарину: Сб. стихотворений/ Сост.
В29 А. А. Щербаков; Худож. Г. И. Метченко.—
М.: Сов. Россия, 1984.—112 с., ил.

Сборник «Венок Гагарину» составили стихи и песни поэтов Советской России о первом в мире космонавте Герое Советского Союза Юрии Алексеевиче Гагарине, а также некоторые произведения, имевшие прямое отношение к его космическому полету: песню «Родина слышит» Гагарин пел в космосе, а песней-маршем Красного Воздушного Флота «Все выше» Москва встречала славного сокола Родины. Сборник посвящен 50-летию со дня рождения Ю. А. Гагарина.

$\text{В}\,\frac{4702010200-201}{\text{М-}105(03)84}$ 175—84 Р2

Составитель
Анатолий Александрович
Щербаков

ВЕНОК ГАГАРИНУ

Сборник стихотворений

Редактор Ф. И. Чуев
Художественный редактор Н. Д. Викторова
Технический редактор Т. С. Маринина
Корректор Л. В. Конкина



ИБ № 3478

Сдано в набор 24.08.83. Подписано в печать 12.01.84. А05710. Формат 84×100/32. Бумага мелованная. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. п. л. 5,46. Усл кр.-отт. 11,41. Уч.-изд. л. 3,77. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2364. Цена 80 к. Изд. инд. ЛХП.—187.
Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46





80 к.

«Советская Россия»